

ея императорского величества, лавровым венцем окруженным /.../ представить великий фонтан, из которого падающая вода, по каскаду расширяясь, сливается в великий бассень...» (VIII, 287). Представленные же в стихотворном сопровождении к проекту доброты Елисаветы таковы, что «Из них шумят ключи и токи многих вод // Поят лице земли, плодом обогащают, // Приятные сады и доли орошают /.../ От ней на подданных течет щедрот поток // И разливается на запад и восток (VIII, 289). Так элемент реального убранства сада, входя в общую систему символично-эмблематического мышления поэта, включается в нее и продолжает нести на себе необходимую семантическую нагрузку уже в ином - художественном мире поэтического произведения.

Литература

Алексеев А.И. Представления о рае в период Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Серия "Symposium", выпуск 31. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.195-198.

Алексеева Н.Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII-XVIII вв. СПб., 2005.

Игумен Иларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М., 2010.

Лебедев Е.Н. Ломоносов. М., 2010.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений.: В 10 т. М.; Л., 1959. Т. 8.

Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. М., 1962-1967. Т. 4.

С.А.Васильев

Москва, Московский городской педагогический институт

Осмысление русского национального начала

в прозе М.В. Ломоносова

300-летний юбилей М.В. Ломоносова очередной раз показал не только масштабное историческое значение этой крупнейшей фигуры русской культуры XVIII века, но и несомненную актуальность его работ для отечественной филологической мысли, науки и культуры в целом. Биография и труды Ломоносова в некоторых случаях становятся предметом очень пристрастного толкования, а то и явных спекуляций. Заявляемая «объективная» трактовка его личности и наследия иногда приводит к странному «перевёртыванию» пирамиды, когда за точку отсчёта выбирается не сам по себе богатый факти-

ческий материал, а мнимо беспристрастный взгляд автора работы, причём такой взгляд, когда мотивировки тех или иных поступков русского гения предстают предельно прозрачными и очевидными, если не сказать примитивными. В этом случае подлинной «вершиной» предстаёт не предмет изображения, Ломоносов, а автор-интерпретатор, искусственно возводящий себя в ранг беспристрастного и заведомо справедливого судьи, поглядывающий на свой объект сверху вниз, отпускающий оправдательные и снисходительные (или вовсе не снисходительные) реплики в его адрес. Именно таковой представляется вышедшая в предъюбилейный год в серии «ЖЗЛ» книга В.Шубинского «Ломоносов». Несущая глубокий отпечаток национального характера личность Ломоносова, кстати, яркого теоретика национального культурного стиля, историка, находит в этой работе как минимум весьма предвзятую интерпретацию. Среди многочисленных неприемлемых ироничных пассажей её автора особенно выделяются те, которые характеризуют полемику Ломоносова с историографом Миллером. Вот, возможно, наиболее вопиющий пример: «Думается, резкость и неадекватность реакции Ломоносова связаны в данном случае с присущим ему (и не ему одному в то время) **глубоким комплексом национальной неполноценности**» (!!) [Шубинский 2010: 374] (здесь и далее выделено нами. – С.В.). А вот открытая ирония над патриотическим чувством Ломоносова: «Видимо, **«всероссийский человек»** Михайло Васильевич считал историю страны чем-то вроде своей собственности. Он <...> в принципе не хотел, чтобы что-то в этой области писалось и печаталось без его контроля. Особенно на скользкие, неприятные для национального самолюбия темы» [Шубинский 2010: 392]. Для понимания крупнейшей фигуры отечественной культуры искусственно навязываются абсолютно произвольные параллели совершенно из другой эпохи, как в следующем случае: «Этот выпад Ломоносова – уже вполне **в духе борьбы с безродными космополитами в 1949 году**; кстати, в это время его полемика с Миллером часто и с одобрением вспоминалась в советской литературе и прессе» [Шубинский 2010: 393]. Ломоносов систематически то уличается в гордыне,

то в мелком самолюбии и мстительности (что само по себе вряд ли совместимо – либо то, либо другое). В чём причина такой явно искажающей объективное представление о Ломоносове биографической трактовки? Во вступительной заметке «От автора» В.Шубинский сообщает о двух «вещах», кроме знания материала, необходимых «для работы над биографической книгой»: «любовь к её герою и способность внутренне самоотождествиться с ним» [Шубинский 2010: 5]. Первое почти не комментируется, ведь автор «с самого начала решил не затушёвывать» «слабости» Ломоносова. Вторая – (мнимая) «способность внутренне самоотождествиться» с героем особенно показательна. Так чей же портрет на самом деле создан в книге «Ломоносов»: героя или автора?

Обозначенный выше вопрос постижения Ломоносовым национального культурного начала, действительно, важен и решается им в глубоко позитивном ключе, без всяких искусственно навязываемых ему «комплексов».

Характерен оптимистический взгляд Ломоносова на Россию: «Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. <...> Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи» [Ломоносов 1952, 6: 169]. Он отстаивает высокий уровень русской культуры, с древнейших времен: «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снести своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою» [Ломоносов 1952, 6: 170]. Комментаторы трудов Ломоносова

подчеркивают мысль об «общей верности его взглядов на самостоятельный характер истории и культуры русского народа» [Ломоносов 1952, 6: 578].

Современную ему Россию он ставил очень высоко: «Российская империя внутренним изобильным состоянием и громкими победами с лучшими европейскими статами равняется, многие превосходит» [Ломоносов 1952, 6: 421]; «Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным сопостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлеки к себе приличное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия <...>» [Ломоносов 1959, 8: 811].

Характерно, что он вел речь прежде всего об энергии и инициативе масс: «Россия не меньше счастием, как силою и общим рачением простерла свою власть до берегов Восточного океана <...> по многих приращениях на восток Российской державы, произведенных больше приватными поисками, нежели государственными силами <...>» [Ломоносов 1952, 6: 422, 448].

Особое внимание в своих рассуждениях Ломоносов уделил «Российскому народу, народу остротою понятия, поворотливостию членов, телесною крепостию, склонностью к любопытству, а паче удобностию к послушанию перед протчими превосходному» [Ломоносов 1959, 8: 809]. Отмеченные черты характера русского народа благоприятствуют, по Ломоносову, решению сверхзадачи национального культурного строительства, которую он формулирует в «Слове благодарственном... на освящение Академии Художеств...», «сего важного учреждения, простирающегося к украшению Отечества, к увеселению народа, ко введению в Россию дивных дел, почитаемых издревле от всего света, к похвальному употреблению домашних избытков, к поселению в России трудолюбия и *ко всеконечному истреблению невежества*» [Ломоносов 1959, 8: 807] (Выделено нами. – С.В.).

Сложность и масштабность такого рода сверхзадачи не вселяет в Ломоносова сомнений, не лишает веры. В работе «О сохранении и размножении

русского народа» он писал, касаясь не только демографической проблемы, следующее: «Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, нвое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Русский народ гибок!» [Ломоносов 1952, 6: 396]. Речь идёт в первую очередь о Петровской «культурной революции», т.е. особенностях одной, определённой культурной эпохи, но взгляд Ломоносова простирается и существенно вглубь.

Национальный культурный стиль, в частности, отличительные, специфические черты народа, определяющие направление и характер культурного строительства, ярче всего проявились в языке, по наблюдению В. Гумбольдта, «порождении духа» народа. Язык является важнейшим фактором, обуславливающим не только формирование, содержательную сторону традиций, но и их сохранение, а значит, сохранение национального культурного стиля во времени и в пространстве огромной территории: «... русский язык от владения Владимирова до нынешнего века, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы <...> Народ русский, по великому пространству обитающий, <...> говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, <...> например в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского <...>». «Славенский» язык – важный фактор сохранения славянской общности как особого культурного феномена и стиля: «Подтверждается <...> наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходне, нежели польский,

невзирая на безразрывную нашу с Польшей пограничность» [Ломоносов 1952, 7: 590].

Ключевой стилеобразующий фактор, определяющий и специфику и функционирование языка и характер и особенности национального культурного стиля подчеркнут специально: «<...> российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием божием на славенском языке украшаться будет» [Ломоносов 1952, 7: 591]. В советское время, в которое было очень много сделано для изучения и популяризации наследия Ломоносова, эта последняя его мысль старательно дезавуировалась: «Появление Предисловия в печати отнюдь не знаменовало, однако, сдачи Ломоносовым своих антиклерикальных позиций. Синоду могло понравиться только заглавие статьи, а никак не её текст, так как, говоря «о пользе книг церковных», Ломоносов имел в виду только «лексикологическую пользу» и ни словом не обмолвился об их содержании». С другим утверждением комментаторов ПСС, в отличие от приведённого выше, нельзя не солидаризироваться: «Главная <...> причина того замечательного успеха, с каким Ломоносов разрешил <...> проблемы, заключалась в том, что он подчинил их разрешение той генеральной патриотической идее, которой была проникнута вообще вся его филологическая деятельность <...>» [Ломоносов 1952, 7: 894].

Итак, Ломоносов активно размышлял над особенностями современной ему культуры России, её историей, языком, искусством, наукой, образованием, демографией и т.д. Его размышления носят, как правило, глубокий сопоставительный характер, т.е. в конечном счёте нацелены на выявление национального культурного стиля. С его точки зрения, России свойственно то, что можно назвать культурным синтезом – оригинальной трансформацией славянского, античного, христианского византийского, современного ему западного наследия. Энергия, инициатива, оптимизм, восприимчивость, гибкость, «послушность» (умение достигать масштабных государственных целей) русского народа обуславливают важнейшую преобразующую, жизне-

строительную доминанту национального культурного стиля. Наряду с культурным синтезом и жизнестроительностью Ломоносов подчёркивает и роль религиозной составляющей, которая глубоко проявилась в языке, результате работы «духа народа» (В.Гумбольдт)¹, и живёт в богослужении Православной церкви.

Литература

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. фон. Избранные работы по языкознанию. М., 2000. С. 75.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 6. М.–Л., 1952.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. М.–Л., 1952.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 8. М.–Л., 1959.

Минералов Ю.И., Васильев С.А. Национальное как фактор художественности в русской литературе. М., 2010.

Шубинский В.И. Ломоносов. М., 2010.

Л.Я.Воронова

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Феномен М.В.Ломоносова в оценке А.С.Архангельского

Александр Семёнович Архангельский – заслуженный профессор, член-корреспондент Академии наук, четверть века (1882 – 1907) определял направления изучения и преподавания русской словесности в Императорском Казанском университете, был известным в России исследователем древнерусской литературы, истории русского театра, творчества Г.Р.Державина, В.А.Жуковского, Е.А.Боратынского, А.С.Пушкина, Д.В.Григоровича и др. писателей нового времени. Цель предлагаемой статьи – систематизировать суждения А.С.Архангельского о М.В.Ломоносове, рассыпанные в разных изданиях, и выяснить, какое место он занимал в историко-литературной концепции казанского учёного.

Предметом изучения стали такие исследования Архангельского, как «Русский театр XVIII века» (1894), «Императрица Екатерина II в истории

¹ [Гумбольдт 2000: 75]